

ТЕХНОНАУКА, ЧЕЛОВЕЧЕСТВО И ЧЕЛОВЕК: В ПОИСКАХ ФОРМУЛЫ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ

Волков Юрий Константинович – доктор философских наук, профессор. Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Арзамасский филиал. Российская Федерация, 607220, Нижегородская область, г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36; e-mail: yu.k.volkov@yandex.ru

Данная статья представляет собой размышления над некоторыми концептуальными идеями, относящимися к негативным оценкам социально-антропологических последствий развития технонауки. Материалом для статьи послужила книга «Человечество и Технос: философия коэволюции». Отмечается, что развернутая авторами критика новационистских интерпретаций научно-технологического прогресса подчинена главной идее книги о несовместимости принципов конвергенции и коэволюции в отношении человек – техника. Показано, что наряду с внешними вызовами технонауки в книге также обозначены направления научных исследований, которые ориентируются на создание «трансискусственного» мира, угрожающего миру традиционного человека. По результатам проведенного анализа содержания книги сделаны следующие основные выводы. 1. Несмотря на наличие большой группы социальных проблем, порожденных четвертым технологическим укладом, наибольшую тревогу у авторов книги вызывают те последствия развития цифровых технологий, которые способны изменить родовую природу человека. 2. Риторическая теория числа, рассматриваемая в книге в качестве мировоззренческой парадигмы цифровой революции, на самом деле обладает более узкой предметной спецификой. 3. Предположение авторов о том, что существует параллельная эволюция независимой от человека техники, представляется противоречащим исходной посылке об искусственной природе артефактов. 4. Уточнения и дальнейшей конкретизации требует вывод о наличии у человека животных черт, утраченных в ходе технологических революций. 5. Не получила развития проблема углубления экзистенциального кризиса, вызванного появлением технических артефактов нового класса, а также тема дефицита свободы в виртуальном пространстве. 6. Противоречащим диалектико-революционной сущности классического марксизма представляется проект идеологии левого консерватизма, позиционируемый в качестве наиболее последовательного варианта философии сопротивления «техногенной деградации человечества». В заключении дана оценка идейного смысла цели для человечества, предложенной авторами книги, и показана историческая отнесенность идеологии консерватизма.

Ключевые слова: человек, техника, технонаука, новационизм, коэволюция, конвергенция, цифровая революция, риторическая теория числа, левый консерватизм, технопессимизм, цель для человечества

TECHNOSCIENCE, HUMANITY AND MAN: IN SEARCH FOR A FORMULA OF COEXISTENCE

Yuri K. Volkov – Dsc
in Philosophy, Professor.
National Research
Lobachevsky State University
of Nizhni Novgorod, Arzamas
Branch.
36 K. Marx St., Nizhni Nov-
gorod Region, Arzamas,
607220, Russian Federation;
e-mail: yu.k.volkov@yandex.ru

This article is a reflection on some conceptual ideas of the book "Humanity and Technos: the philosophy of coevolution" related to negative assessments of the socio-anthropological consequences of the development of technoscience. It is noted that the author's criticism of novationist interpretations of scientific and technological progress is subordinated to the main idea of the book about the incompatibility of the principles of convergence and coevolution in the relationship between man and technology. It is shown that the book examines not only the external challenges of technoscience, but also the areas of scientific research that threatens the world of traditional man. Based on the results of the analysis of the book's content the following main conclusions are made. 1. Despite the presence of a large group of social problems generated by the fourth technological order the authors of the book are most concerned about the consequences of the development of digital technologies that can change the man's generic nature. 2. Rhetorical theory of number considering in the book as a worldview paradigm of the digital revolution actually has a narrower subject specificity. 3. The assumption that exist a parallel evolution of technology independent of human is contradicting the original premise about the artificial nature of artifacts. 4. Conclusion about the presence of animal traits in humans that were lost during technological revolution is requires specification. 5. The problem of an existential crisis caused by the appearance of a new class of technical artifacts and also the theme of the deficit of freedom in the virtual space has not been its developed. 6. The project of the ideology of left conservatism positioned as the most consistent variant of the philosophy of resistance to the "technogenic degradation of mankind" seems to contradict the dialectical-revolutionary essence of classical Marxism. In conclusion the ideological sense of the main goal for humanity proposed by the authors and the relativity of the ideology of conservatism are shown.

Keywords: man, technology, technoscience, novationism, coevolution, convergence, digital revolution, rhetorical theory of number, left-wing conservatism, technopessimism, goal for humanity

Предметом обсуждения данной статьи послужили некоторые идеи книги российских философов, посвященные критическому анализу последствий современного этапа научно-технологической революции [Кутырев, Слюсарев, Хусьяинов, 2020]. В концептуальном плане критика издержек научно-технического прогресса, на наш взгляд, вызвана стремлением авторов отыскать актуальные и достаточные аргументы в пользу центральной идеи книги о несовместимости принципов конвергенции и коэволюции в отношениях между человеком и техникой. На противопоставлении двух указанных подходов построена защита философии антропоконсерватизма как способа сопротивления неограниченному развитию науки и техники.

Новационизм как общий смысл научно-технического прогресса

Первая сюжетная линия книги, вытекающая из смысла доктрины устойчивого развития как формы динамического консерватизма [Кутырев, Слюсарев, Хусяинов, 2020, с. 21], содержит в себе критику новационистских интерпретаций научно-технологического прогресса. Идеологической основой новационизма выступает следующая установка: «Любая вещь существует для того, чтобы скорее исчезнуть, заменившись другой, новой» [Там же, с. 23].

Сформулировав суть идеологии новационизма, авторы книги далее переходят к особенностям его современной разновидности, сформировавшейся в условиях четвертой технологической революции. Новационизм в его нынешнем виде, по мнению авторов, демонстрирует результаты проникновения в миры, созданные на базе теоретических открытий неклассической науки. В этом контексте общий смысл научных революций XX в. определяется тем обстоятельством, что познаваемый наукой «Мир перестал совпадать с нашим Домом» [Там же, с. 24]. Отсюда следует известное и активно обсуждаемое в нашей периодике положение о том, что современная постнеклассическая наука окончательно превратилась в технонауку [Там же]¹.

Принципиальными характеристиками такой гибридной разновидности современной науки, по мнению авторов книги, являются: трансцендентализм (исходит из мысли), дигитализм (все формализуется, математизируется, оцифровывается) и конструктивизм (ориентация на то, чего нет, искусственность создаваемого). Хотя в книге нет конкретного ответа на вопрос о том, что же именно является метафизическим идеалом технонауки, к которому она стремится в своем пределе. Однако из высказанных авторами многочисленных оценок ожидаемого результата технонаучного творчества можно предположить, что это будет какая-то неадекватная биологическому человеку, никогда не существовавшая на Земле искусственная реальность, представляющая собой вершину деятельностных возможностей человека и основанная на постнеклассических инновациях и технологиях [Там же, с. 25].

Наряду с внешними характеристиками современной технонауки, которые рассматриваются в книге в аспекте ее общецивилизационных вызовов, в монографии также обозначены направления, составляющие каркас проводимых научных исследований. Таким интерналистским

¹ Обсуждению некоторых особенностей постсовременной науки и технонауки, например, были посвящены две панельные дискуссии в журнале «Эпистемология и философия науки», инициированные статьями А.Л. Никифорова и О.Б. Кошовец и И.Э. Фролова [Никифоров, 2019; Кошовец, Фролов, 2020].

ядром постнеклассической и одновременно постчеловеческой разновидности современной науки выступают исследования в сфере наноразмерностей, биоты, информатики и когнитивного интеллекта (НБИК) [Кутырев, Слюсарев, Хусяинов, 2020, с. 24].

Таким образом, можно констатировать, что в структуре книги, концептуальными границами которой выступает противопоставление принципов конвергенции и коэволюции, обнаруживаются содержательно наполняющие их внутренние и внешние характеристики последствий постнеклассической науки, превратившейся в технонауку.

Как можно понять из общего смысла авторской концепции научно-технологического прогресса, мировоззренческое значение внутренних и внешних характеристик технонауки следует оценивать, исходя из их общего практического результата. Несмотря на то, что сами по себе научные исследования, как кажется на первый взгляд, не несут непосредственной угрозы существованию человечества. Однако, превратившись в массовые технологии эпохи четвертой технологической революции, которые ориентируются на создание «трансискусственного» мира, они угрожают миру традиционного человека.

Коротко рассмотрим оба ряда характеристик, произвольно распределенных как в собственно авторской части книги, посвященной обоснованию антропоконсервативной, субстанциально-феноменологической версии доктрины коэволюции, так и во второй ее части, критически анализирующей конвергентную идеологию.

Цифровая революция и философия цифры

Самый большой объем критической аналитики книги посвящен актуальным и потенциальным последствиям дигитализации различных сфер жизни современного общества. В первой части книги – это четвертая, шестая и седьмая главы. Во второй части – глава третья, материалом для которой послужила монография С.Е. Шилова.

Такая высокая степень интереса к одной из базовых характеристик технонауки обусловлена все более заметными сегодня масштабами и скоростью распространения дигитальных технологий, позволяющих даже заменить само понятие четвертого технологического уклада конкурирующим термином «цифровая революция» [Там же, с. 65].

Какой же смысл вкладывают в понятие цифровой революции авторы книги и какие социально-антропологические последствия развития этой новой технологии вызывают у них наибольшую тревогу?

Понятие цифровой революции определяется в книге как явление, возникшее в рамках третьей промышленной (информационной) революции 80-х гг. прошлого века. Технологической стороной данного феномена является переход от аналоговых технологий к кремниевым структурам вычислительной техники. В результате чего был создан новый класс электронных машин – персональных компьютеров (ПК), которые проникли во все без исключения сферы жизни человеческого социума. Вместе с тем, несмотря на благие цели четвертой промышленной революции – освободить человеческий разум от решения обыденных задач, на самом деле, как считают авторы книги, цифровая революция ведет к «размыванию граней между физическими, цифровыми и биологическими сферами» [Кутырев, Слюсарев, Хусьянов, 2020, с. 66].

Более конкретными новационными результатами процесса развития цифровых технологий авторы книги считают социально-экономические явления, относящиеся к объектам четвертого технологического класса. В этом контексте в книге последовательно рассматривают те радикальные изменения, которые под влиянием цифровой революции произошли в сфере экономики, политики, культуры и непосредственной жизни человека.

Вместе с тем, как можно понять из констатаций сути происходящих изменений, наибольшую тревогу у авторов вызывают все же не реальные социальные проблемы и вызовы цифровой революции – безработица, трудовые миграции, стратификация общества, неустойчивость и прозрачность властных структур, открытость культуры и общедоступность культурного творчества. На первое место авторы книги ставят вызовы, способные произвести изменения родовой сущности человека как разумного, социально структурированного и живого существа.

В первую очередь это изменения, способные лишить человека его физической телесности. «Физическое тело человека, – пишут авторы книги, – фактически ему больше не нужно. Если ранее оно служило основой для трудовой, культурной, творческой и т.д. деятельности, то сейчас все эти виды активности можно осуществлять в сети» [Там же, с. 72]. Отсюда следует предположение о наступлении новой стадии ограничения человеческой свободы, вызванной созданием новых технологий управления «усредненным» индивидом и его активным включением в виртуальное пространство.

В завершении сюжета, посвященного социально-антропологическим последствиям цифровой революции, остановимся на тех идеях, которые, как считают авторы книги, выступают в качестве ее философской основы. Такой философией цифры является, по мнению авторов книги, риторическая теория числа (РТЧ), изложенная в книге ее создателя – С.Е. Шилова [Шилов, 2013].

Мы не будем подробно останавливаться на ранее уже обсуждаемых идейных аспектах РТЧ², акцентируя внимание лишь на тех ее новых оценках, которые представляются нам наиболее спорными. В первую очередь это касается центрального тезиса раздела книги, согласно которому РТЧ и есть подлинная философия цифры. В качестве аргументов для обоснования выдвинутого тезиса в книге использованы следующие, вытекающие из этого же тезиса мировоззренческие интерпретации ключевых направлений технауки.

Как полагают авторы книги, исследования, которые ведутся на передовых рубежах технауки в рамках проектов создания Мировой решетки (WWG), Искусственного Интеллекта и в сфере нанотехнологий, фактически представляют собой научно-техническое воплощение шиловской РТЧ как «транс(постне)классической» философии Матрицы. Именно в этой «философии электронного мышления» находят свое конкретное выражение тенденции становления на Земле постчеловеческого бытия как общекультурной формы инобытия и обывательского понятия «конец света» [Кутырев, Слюсарев, Хусяинов, 2020, с. 162].

На наш взгляд, РТЧ является все же не общефилософской парадигмой цифровой и четвертой технологической революции, а, скорее, философским расширением оригинальной лингвосемантической теории. Предметная специфика РТЧ состоит в презентации метафизической по своим исходным основаниям модели числового языка, интерпретируемого в качестве сущности самого процесса мышления.

Как показывает текст книги С.Е. Шилова, даже «самозамкнутый» числовой язык, независимо от приписываемых ему непредметных сущностных свойств, может существовать в качестве языкового субстрата, доступного для использования в практике общения, лишь при наличии других, замещающих его знаково-предметных и образных форм [Шилов, 2013, с. 665–668]. Таким образом, несмотря на то очевидное обстоятельство, что в процессе решения конкретных задач действительно можно менять средства реализации когнитивной и коммуникативной функций языка, внешним проявлением всех форм человеческой активности, включая процесс мышления, выступает такая внутренне необходимая форма антропного бытия, как язык живого общения.

² Идейная сущность РТЧ ранее была изложена в другой авторской работе В.А. Кутырева [Кутырев, 2018, с. 263–268], а также в критическом отзыве на нее [Волков, 2019, с. 448–450].

Человек и техника: параллельная эволюция и путь к несвободе

Антропологическая проблематика в самых ее различных аспектах присутствует в названиях и содержании третьей, шестой, седьмой и восьмой глав первой части книги, а также в первой, второй и четвертой главах ее второй части³. Однако наибольший интерес авторов книги, как представляется, вызывает тема ограничения свободы человека, связанная с проектами научно-технологической модернизации его сущностных свойств.

Следует отметить, что проблема создания более совершенного, чем живой человек, управляемого существа, несмотря на ее современные трактовки, сохраняет свою концептуальную преемственность с идеями классической метафизики. Философской основой решения проблемы воспроизводства человеческих качеств с помощью современных технологий, на наш взгляд, является ответ на вопрос об онтологической специфике артефактов⁴.

Продолжая тему природы артефактов, отметим, что история человеческой техники в книге приравнивается к истории человеческой культуры [Кутырев, Слюсарев, Хусяинов, 2020, с. 49]. Следовательно, технические артефакты, будучи разновидностью тиражируемых образцов культуры, в принципе не могут быть независимой от человека формой бытия. Поэтому предположение авторов о том, что возможно реальное существование автономной и самостоятельно эволюционирующей техники, представляется противоречащим исходной посылке об искусственной природе технических артефактов.

Как отмечается в книге, создание инструментальных артефактов, призванное дополнить человека, исправить его недостатки и наделять новыми возможностями, привело к тому, что человек отделил от себя часть эволюционного процесса, переложив свое естественное развитие на технику. Тем самым, с одной стороны, человек стал менее индивидуальным, а с другой – более приспособленным, менее «звериным», но более человеческим [Там же].

Если первая констатация, связанная с издержками процесса социальной интеграции, не вызывает возражений, то второе суждение,

³ Общее понимание специфики философской антропологии как реалистического учения о человеке подробнее всего изложено в четвертой главе второй части книги, посвященной критическому разбору монографии Ю.М. Резника «Феноменология человека: бытие возможного» [Кутырев, Слюсарев, Хусяинов, 2020, с. 166–176].

⁴ Некоторые современные подходы к решению проблемы онтологического статуса артефактов были проанализированы в главе коллективной монографии «Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии» [Касавин, Воронина (ред.), 2018, с. 283–304], в основу которой была положена концепция Л.Р. Бейкер [Baker, 2004].

относящееся к авторскому пониманию процесса параллельной эволюции естественного и искусственного в человеке и обществе, как нам кажется, носит спорный характер.

Для того чтобы рассматривать процесс развития современного социума как двухсоставную параллель, разные линии которой подчиняются законам биологической и культурной эволюции, видимо, требуются более весомые аргументы, чем указание на физическую слабость и плохой иммунитет наших современников.

На наш взгляд, речь здесь идет не о самой эволюционирующей технике, но о тех особенностях процесса отчуждения, при которых пользователи техники воспринимают ее в качестве автономного объекта либо даже в статусе своеобразного квазисубъекта. Хотя на самом деле любая, в том числе самая современная, техника никогда не утрачивает свою онтогенетическую зависимость от создающих и программирующих ее производителей, подставное влияние которых искажается благодаря существованию большой группы посредников.

Уточнения и дальнейшей конкретизации, как нам кажется, также требует вывод о наличии у человека животных черт⁵, которые, благодаря технологическим революциям, были вынесены за скобки [Кутырев, Слюсарев, Хусяинов, 2020, с. 50]. Напротив, как это следует из разделов книги, посвященных проблеме создания искусственного интеллекта, современная технологическая революция пытается «вынести» за пределы человека его разум, небиологическая сущность которого является общепризнанной.

Указанные трудности, видимо, вызваны тем обстоятельством, что рассуждения о параллельности процессов эволюции человека и техники авторы книги строят на противопоставлении критериев естественного и искусственного миров. Человек как самостоятельная форма бытия принадлежит к естественному миру, критериями которого выступают его реальность, предметность и индивидуальность. В то время как техника относится к миру искусственных артефактов. Признаками этого единого для социума и техники мира авторы книги называют его ноосферность, коммутационность и усредненность [Там же, с. 64].

В конечном счете параллельная эволюция естественного и искусственного должна, по мнению авторов книги, привести к логически неизбежной точке бифуркации, когда создание станет равным создателю, что приведет к декадансу человека как вида. Тогда управлять предметным миром станет техника [Там же].

⁵ Возможно, к таким качествам авторы относят физиологические потребности. Хотя, как известно, способ их удовлетворения у человека всегда носит культурно обусловленный характер. В этой связи следует отметить, что заметное место в книге занимает тема половых отношений, которой специально посвящены несколько параграфов седьмой и восьмой главы.

Обращаясь далее к теме ограничения свободы в ситуации неограниченного развития технауки, авторы книги разбирают некоторые наиболее типичные последствия этой новой разновидности экзистенциального кризиса.

Первым и, пожалуй, самым заметным проявлением современного кризиса идеала свободы, на котором акцентируют внимание авторы исследования, стала качественно иная система контроля поведения людей, постоянно находящихся в виртуальном пространстве. Новаторская суть такой разновидности контроля состоит, по мнению авторов книги, в том, что ограничение свободы происходит не через введение запретов, а через усредненное увеличение прав и свобод статистически выявленного абстрактного индивида [Кутырев, Слюсарев, Хусяинов, 2020, с. 78].

Как следует из последующих разъяснений, опасность подобной формы контроля авторы книги видят в том, что преступными могут быть объявлены проступки, которые нарушают традиционные права не реального, а «усредненного» человека и гражданина [Там же, с. 79].

Другой стороной фактического ограничения свободы, непосредственно связанного с общедоступностью цифровой информации о человеке, является опасность неэтичного или преступного использования базы персональных данных. В этой связи особого внимания заслуживает авторская характеристика и оценка новых форм борьбы за свободу от «власти цифры».

Современная реакция социума на «цифровой диктат», как отмечают авторы книги, представлена движениями, в которых свобода выступает в качестве средства для осуществления иных целей [Там же, с. 82]. В этом смысле идеал свободы, не зависящий от средств его реализации, представляет собой утопию.

В то же время, как полагают авторы работы, человек, оказавшийся в онтологическом пространстве виртуально-цифровой среды, способен выходить за рамки существующего предметного мира, который регулируется физическими законами, а также нормами морали и права [Там же, с. 84]. Естественной реакцией на создание такого полностью свободного виртуального пространства стал приход в сетевой мир органов государственного контроля. В результате чего человек вновь стал несвободен в выборе объективных условий своей деятельности, так как он может выбирать только цели-средства, определяемые ходом объективных законов природы и общественно-го развития [Там же, с. 85].

К сожалению, этот важный аспект современного понимания проблемы свободы не получил дальнейшего развития. Авторы книги лишь ограничились констатацией того, что возникший новый дефицит свободы «человек пытается компенсировать новыми формами реализации виртуального пространства» [Там же]. Рассмотрению

этих форм специально посвящен параграф «Несетевая структура государства и общества: Криптоанархизм и Блокчейн-демократия».

Немного говорится в книге и о собственно содержательной стороне современного экзистенциального кризиса в его традиционном смысложизненном понимании. Несмотря на включение в структуру работы отдельной главы под названием «Цифровая революция и экзистенциальный кризис личности», в качестве примера такого кризиса рассмотрено только изменившееся содержание творческого поиска, который в ситуации его подчинения критериям эффективности перестает быть экзистенциальным переживанием и свободой «внутри и снаружи» [Кутырев, Слюсарев, Хусяинов, 2020, с. 97].

В то же время авторы не смогли обойти остроактуальную тему коронавирусной пандемии, посвятив ей параграф «Коронавирусная инфекция в сетевом мире». Хотя фактическим содержанием параграфа стали общие характеристики «общества риска».

Левый консерватизм и технопессимизм

Завершает раздел, посвященный критике идеологии конвергенции человека и техники, глава, затрагивающая тему философского сопротивления «техногенной деградации человечества». В качестве примера идейного сопротивления влиянию на умы людей конвергентной стратегии авторы книги выбрали доктрину, обозначенную термином «левый консерватизм». Как показывает объяснение идейной сути этого понятия, левым консерватизмом является классический марксизм, очищенный от прежнего официоза и любых вариантов его «творческого развития» [Кутырев, Слюсарев, Хусяинов, 2020, с. 178–180].

В качестве конкретного примера левоконсервативного варианта марксизма в книге предложен концептуальный подход, используемый М.А. Лифшицем для решения ряда общефилософских и культурологических проблем. К числу таких наиболее значимых достижений советского философа и эстетика авторы книги относят сохранение им теоретического ядра ленинской теории отражения, которая была вытеснена парадигмой творческого преобразования естественной среды обитания людей [Там же, с. 181–184].

Другим принципиально важным, по мнению авторов, подтверждением левоконсервативной направленности воззрений М.А. Лифшица является его критика модернизма [Там же, с. 187]. Вместе с тем если посмотреть заключительную часть цитируемого авторами памфлета «Феноменология консервной банки», то можно обнаружить, что Лифшиц признает, что изображение искусством реального вне нас закономерно порождает обратную тенденцию – создание

самостоятельной реальности внутри нас, которую активно использует модернизм [Лифшиц, 1980, с. 390].

Однако, поскольку наличие диалектических связей между реализмом и модернизмом вступает в явное противоречие с метафизическим подходом проекта консервативной идеологии, авторы книги акцентируют основное внимание на негативных последствиях постмодернизма, в котором, по их словам, произошел окончательный переход от искусства – к искусственному, от кустарного технэ – к информационно-виртуальному технэ-2 [Кутырев, Слюсарев, Хусяинов, 2020, с. 186].

Как же представляют себе авторы книги связь традиционного марксизма Лифшица, облаченного в форму левого консерватизма, с актуальной для культуры постмодерна идеологией технопессимизма? Для решения этой мыслительной задачи ключевым, на наш взгляд, является абзац главы, в котором упоминается критика Лифшицем идеи диалогизма и полифонии М. Бахтина. Откуда делается вывод об утрате в искусственном мире ценности истины, а значит, и сознания субъекта вообще, которое на этапе «цифровизации человека» будет заменено мозговой коммутацией, а в масштабе Земли превратится в «Большой компьютер» [Там же, с. 188].

Подобную перспективу, как считают авторы книги, не принял бы Лифшиц, выступавший против идола новизны. Сам же он, защищая классический марксизм как высшее проявление культуры, тем самым, защищал жизненный мир человека, а потому был представителем консервативной «Философии Сопротивления техногенной деградации человечества» [Там же, с. 188–189, 192].

Формат статьи не позволяет нам более подробно остановиться на теме объективных оснований технопессимизма, которые не заметила философия науки XX в. [Никифоров, 2019, с. 26], в их сравнении с различными трактовками марксистского понимания научно-технического прогресса. Отметим лишь, что, согласно официальным канонам советского марксизма, революционный процесс превращения науки в непосредственную производительную силу основывался на тех высказываниях Маркса, в которых наука и техника рассматривались как средства осуществления классовых интересов промышленного капитала [Киселев, 2018, с. 15].

Авторы книги сами пишут об открытиях Маркса, связанных с признанием им решающей роли науки и техники в процессе индустриализации. Хотя делают это с целью противопоставления взглядов Маркса позднего и Маркса молодого [Кутырев, Слюсарев, Хусяинов, 2020, с. 177–178].

Соглашаясь с возможностью подобного противопоставления, вместе с тем укажем на примеры расширительного, умеренно оптимистического понимания техники как части культуры и результата развития природы и человека [Розин, 2006, с. 46–48]. Такая умеренно

инструменталистская интерпретация отношений между человеком и техникой вполне созвучна гуманистическим и одновременно социально ориентированным установкам отвергаемого авторами книги неклассического варианта марксизма.

Вместо заключения: цели для человечества

Вместо стандартного заключения, требующего в сжатом виде повторить вышесказанное, попытаемся уточнить прогностический замысел авторов книги, используя для этого специально выделенный ими показатель целевого ориентира для человечества. Такой стратегической целью авторы «Человечества и Технос» считают установку на сохранение половой субъектности Homo Genus в виде мужчины и женщины, а также производный от их союза акт рождения ребенка. Таким образом, экология сексуальности и акт естественного воспроизводства человека как «единственного Духовного Суще(го)ства Реального Бога» оказываются главной и единственной целью дальнейшего существования людей [Кутырев, Слюсарев, Хусяинов, 2020, с. 129].

Что можно сказать по поводу обозначенной авторами ценностно-целевой стратегии, призванной служить сохранению человечества? Во-первых, сегодня мало кто из вменяемых авторитетов оспаривает идею сохранения в обозримой перспективе живого общения представителей разных полов. Во-вторых, непонятно, почему среди целей для человечества отсутствует упоминание путей решения глобальных вызовов, которые подробно разбираются на страницах книги. Наконец, в-третьих. Призыв к возвращению человека в естественный, природный мир – не новый. Он в соответствии с ходом идейного маятника периодически обнаруживается то на одной, то на другой мировоззренческой стороне. В зависимости от этого натурализм воспринимается в качестве либо революционной, либо консервативной идеологии. На наш взгляд, сегодня наступает период, когда естественное начинает цениться выше искусственного. С учетом этой новой тенденции, видимо, должны будут измениться идеологические оценки консервативных учений.

Список литературы

Волков, 2019 – Волков Ю.К. Сумрачный свет философской мудрости (комментарии к избранным частям книги В.А. Кутырева «Сова Минервы вылетает в сумерки») // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2019. Т. 19. № 4. С. 440–453.

Касавин, Воронина (ред.), 2018 – Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии: монография / Под ред. чл.-корр. РАН И.Т. Касавина и Н.Н. Ворониной. Н.Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2018. 413 с.

Киселев, 2018 – *Киселев М.Ю.* Учение Карла Маркса о научно-техническом прогрессе, российская наука и архив РАН в эпоху формирования информационного общества // *Философия и гуманитарные науки в информационном обществе*. 2018. № 3 (21). С. 12–27.

Кошовец, Фролов, 2020 – *Кошовец О.Б., Фролов И.Э.* «Прекрасный новый мир»: о трансформации науки в технонауку // *Эпистемология и философия науки*. 2020. Т. 57. № 1. С. 20–31.

Кутырев, 2018 – *Кутырев В.А.* Сова Минервы вылетает в сумерки (Избранные философские тексты XXI века). СПб.: Алетейя, 2018. 526 с.

Кутырев, Слюсарев, Хусяинов, 2020 – *Кутырев В.А., Слюсарев В.В., Хусяинов Т.М.* Человечество и Технос: философия коэволюции. СПб.: Алетейя, 2020. 260 с.

Лифшиц, 1980 – *Лифшиц М.А.* Феноменология консервной банки // *Лифшиц М.А.* Мифология древняя и современная: [Издб. работы]. М.: Искусство, 1980. С. 357–390.

Никифоров, 2019 – *Никифоров А.Л.* Трансформация науки в XX в.: от поиска истины к совершенствованию техники // *Эпистемология и философия науки*. 2019. Т. 56. № 3. С. 20–29.

Розин, 2006 – *Розин В.М.* Понятие и современные концепции техники. М.: ИФ РАН, 2006. 255 с.

Шилов, 2013 – *Шилов С.Е.* Риторическая теория числа. М.: ЛЕНАНД, 2013. 800 с.

References

Baker, 2004 – Baker, L.R. “The Ontology of Artifacts”, *Philosophical Explorations*, 2004, vol. 7, pp. 99–112.

Kasavin, I.T. & Voronina, N.N. (eds.) *Epistemologiya segodnya. Idei, problemy, diskussii: monografiya* [Epistemology Today. Ideas, Problems, Discussions: A Monograph]. Nizhni Novgorod: Nizhni Novgorod Lobachevsky State University, 2018, 413 pp. (In Russian)

Kiselev, M.Yu. “Uchenie Karla Marksa o nauchno-texnicheskom progresse, rossijskaya nauka i arxiv RAN v epoxu formirovaniya informacionnogo obshhestva” [Karl Marx’s Teachings on Scientific and Technical Progress, Russian Science and the Archives of the Russian Academy of Sciences in the Era of Information Society], in: *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informacionnom obshhestve*, 2018, no. 3 (21), pp. 12–27. (In Russian)

Koshovets, O.B., Frolov, I.E. “‘Prekrasnyj novyj mir’: o transformacii nauki v tekhnonauku” [Brave New World: On Science Transformation into Technoscience], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2020, vol. 57, no. 1, pp. 20–31. (In Russian)

Kutyrev, V.A. *Sova Minervy vyletaet v sumerki (Izbrannye filosofskie teksty XXI veka)* [Minerva's Owl Flies Out at Dusk (Selected Philosophical Texts of the XXI Century)]. St. Petersburg: Aletheia Publishing House, 2018, 526 pp. (In Russian)

Kutyrev, V.A., Slyusarev, V.V., Husyainov, T.M. *Chelovechestvo i Tekhnos: filosofiya koevolucii* [Humanity and Technos: The Philosophy of Coevolution]. St. Petersburg: Aletheia Publishing House, 2020, 260 pp. (In Russian)

Lifshicz, M.A. "Fenomenologiya konservnoj banki" [Phenomenology of a Tin Can], *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Moscow: Publishing House "Art", 1980, pp. 357–390. (In Russian)

Nikiforov, A.L. "Transformaciya nauki v XX v.: ot poiska istiny k sovershenstvovaniyu tekhniki" [Transformation of Science in the XX century: From the Search of Truth to the Enhancement of Technology], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2019, vol. 56, no. 3, pp. 20–29. (In Russian)

Rozin, V.M. *Ponyatie i sovremennye koncepcii texniki* [The Concept and Modern Concepts of Technology]. Moscow, 2006, 255 pp. (In Russian)

Shilov, S.E. *Ritoricheskaya teoriya chisla* [Rhetorical Theory of Number]. Moscow: LENAND, 2013, 800 pp. (In Russian)

Volkov, Yu.K. "Sumrachnyj svet filosofskoj mudrosti (kommentarii k izbrannym chastyam knigi V.A. Kutyreva «Sova Minervy vyletaet v sumerki»)» [The Gloomy Light of Philosophical Wisdom (comments on selected parts of the book by V.A. Kutyrev «Minerva's owl flies out at dusk»)], *Gumanitarii: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniya*, 2019, vol. 19, no. 4, pp. 440–453. (In Russian)